

УДК 811.161.1 + 811.111

Ю. А. Башкатова

Кемеровский государственный университет

**Соматический код культуры
как предмет сопоставительного исследования**

Рассматривается соматический код культуры, определяемый как совокупность имен частей тела, несущих дополнительные, культурно значимые смыслы. За единицу изучаемого кода культуры принимается соматический концепт. Цель исследования – выявление этнокультурной специфики соматических концептов как единиц телесного кода русского и английского языков. В результате сопоставительного анализа была выявлена некоторая асимметричность в репрезентации тела человека в русской и английской языковых картинах мира. Асимметричность употребления эксплицируется в наличии лакун, т. е. в отсутствии лексемы в идиомах одного языка при наличии её в другом языке. Количественная асимметричность проявляется в различной частоте соматизмов в русских и английских паремиях и фразеологических единицах, что свидетельствует о степени актуальности того или иного концепта для разных этносов.

Ключевые слова: соматический код культуры, соматизмы, лингвокультура, культурный смысл, концепт, этнокультурная специфика.

Будучи ключевым термином семиотики, код, означает закон соответствия между планом выражения и планом содержания знака. У. Эко называет кодом «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилом комбинаторики, определяющим порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [Эко, 1998].

Код вырабатывает и осуществляет свою функцию в культуре. Культура может рассматриваться как семиотическая система, в которой синтезируются знаки и смыслы: знак является носителем того, что было выработано в процессе самопознания и осознания человеком своего личностного, надличностного и межличностного бытия в мире [Телия и др., 1999].

В современной лингвистике получило широкое распространение, предложенное В. В. Красных понятие культурного кода «как “сетки”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценива-

Башкатова Юлия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; stbua@mail.ru)

Сибирский филологический журнал. 2014. № 4
© Ю. А. Башкатова, 2014

ет его» [Красных, 2002]. Наиболее оптимальной для лингвокультурологического исследования представляется организация культурных знаков в код культуры по тематическому признаку: «человек» (антропный код), «природа» (природный код), «тело» (телесный, или соматический, код) и др.

М. Л. Ковшова полагает, что «по функции тематические коды культуры – это наиболее оптимальная для лингвокультурологического исследования модельная область. По форме – это субстанционально различные знаки материального и духовного мира, объединенные в рамках одной темы. По содержанию эти знаки представляют собой реалии мира, переосмысленные в эстетических и этических категориях, ставшие носителями культурных идей и тем самым составляющие культурное пространство» [Ковшова, 2013].

Подчеркивая универсальный характер существования кодов культур, многие ученые отмечают, что данные феномены, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. По мнению Д. Б. Гудкова, «коды национальной культуры принадлежат национальной части культурного национального пространства, во многом отражают и определяют особенности языкового сознания и языковой картины мира представителей того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 124].

В нашем исследовании речь пойдет о телесном (или соматическом) коде культуры, определяемом как «совокупность имен и / или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них качественные (в том числе “размер”, “цвет” / “масть”, “форма”, “консистенция”) и количественные (в том числе “размер”, “вес”) характеристики, физические и / или ментальные интеллектуальные, эмоциональные и т. п. состояния или действия, позы, жесты и виды деятельности, а также пространственные и временные их “измерения”, которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков “языка” культуры, например *не покладая рук, в поте лица своего, на глазах, держать в голове, без задней мысли, пропускать мимо ушей, по сердцу, до мозга костей*» [Там же, с. 99].

Соматический код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка. При передаче смыслов с одного языка на другой сохранение образов и символики, используемые соматическим кодом культуры, часто становится семантическим камнем преткновения. Например: идиома (преим. амер.) *to put one's foot in one's mouth*, означающая ‘ляпнуть, сказать что-л. необдуманно или бестактно’, при переводе на русский язык соматическую образность теряет.

За единицу изучаемого кода культуры мы принимаем соматический концепт. Следует отметить, что концепт – знак не только языка, но и культуры – воплощает в себе и транслирует символичные смыслы, эталонные и стереотипные представления. Для анализа соматических концептов мы воспользуемся методикой концептуального анализа, проводимого в несколько этапов: анализ внутренней формы слова – репрезентанта концепта, исследование концептуальных метафор и метонимий (образных признаков концепта), описание способов категоризации концепта через поиск функциональных и ценностно-оценочных признаков, анализ лексического значения слова, выявление символических признаков и исследование сценариев [Пименова, 2003].

Анализ структуры концепта, в том числе соматического, необходимо начинать с анализа этимологического значения лексемы-репрезентанта. Рассмотрим внутреннюю форму концепта на примере соматизмов английского и русского языков ШЕЯ – NECK.

Внутренняя форма слова-репрезентанта концепта *шея* связана с признаком соединения, связывания, сшивания. *Шея* и *шить* – родственные слова. Этот признак подтверждается данными из других языков. Так, шея в чешском языке *vaz* «заты-

лок» (ср. с рус. вязать), в украинском – *шия* (ср. укр. шити – шить). Во многих славянских языках лексема *шея* имеет сходное звучание, ср.: блр. шыя, др.-русск. шия, шыя, ст.-слав. ши, болг. шия, сербохорв. шија, словен. sija, чеш. sije (Фасмер).

Таким образом, шея – общеславянское слово, образованное с помощью суф. -j- от шити – «шить». Буквально шея – «то, что сшивает, связывает, соединяет» (голову с туловищем): *Шея его коротко и мощно соединяла затылок и спину* (М. Зайчик, НКРЯ).

Мотивирующий признак связывания сохранился в виде основного понятийного признака, зафиксированного в толковых словарях русского языка. Так, в Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля указывается, что шея – «связь головы с туловищем, часть тела промеж плеч и головы» [2001]. В Толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим следующее определение шеи: «У позвоночных животных и человека: часть тела, соединяющая голову с туловищем» [1999].

Английская лексема, называющая шею (*neck*) происходит от древнеанглийского слова *hnessa* «шея, затылок, задняя часть шеи» из протогерманского **khnekkon* «затылок». Данная лексема, по-видимому не имеющая родственных слов за пределами германской группы, сменила позднее более часто употреблявшиеся в значении «шея» древнеанглийские лексемы *hals* и *swira*. Таким образом, внутренняя форма слова становится основой для дальнейшего метафорического переноса и создания образных признаков в структуре концепта.

Образные концептуальные признаки – первичный этап осмысления внутренней формы слова. Образы частей тела дифференцируются на основании представлений о живой и неживой природе в русской и английской концептуальных картинах мира.

По мнению М. В. Пименовой, «образные признаки концепта – это признаки, находящиеся в основе образования концептуальных метафор. Концептуальная метафора – это способ думать об одной области через призму другой» [Пименова, 2007, с. 75]. Например, мы можем описывать какой-то предмет, используя образы вещей, людей, животных, птиц, растений, веществ. Это касается и соматических концептов, образы которых могут основываться на представлениях о живой и неживой природе. Рассмотрим, как реализуются данные признаки на примере концептов ГРУДЬ – BREAST.

Так, когнитивная модель «грудь – средоточие эмоций» очень продуктивна и реализуется с помощью разнообразных метафор. Например, очень частотна метафора огня как обозначения эмоций: *Теперь, сейчас сознай, предупреди – И будешь ты хозяином движенья С отвагой в мыслях и огнем в груди.* (К. К. Случевский). *Огонь – в моей груди, огонь – в моих костях...* (Д. С. Мережковский, НКРЯ). *Anna, thy charms my bosom fire, And waste my soul with care...* (Bartleby).

Противоположный смысл, т. е. отсутствие эмоций, часто реализуется через признаки холода, пустоты: *Боже, скоро ли конец!.. В сердце – холод, грудь – пуста. Муза сбросила венец, И не манит красота: Ни желаний, ни страстей, – Тишь и мрак – в душе моей...* (Д. С. Мережковский, НКРЯ). *To kiss my Celia's fairer breast, The snow forsakes its native skies... Its tears, like those I shed, to make That icy bosom colder still* (Bartleby).

Для всех людей грудь матери первое время после рождения – единственный источник питания. Кроме того, нахождение у груди гарантирует защиту от внешних опасностей, дает ощущение стабильности и надежности: *Но я уж сам к ней бросился в объятия, Про всё забыв, – сестер не слышал крик И не видал, как прибежали братья, Закрыв глаза, к ее груди приник, Вдыхая тонкий, нежный запах платья...* (Д. С. Мережковский, НКРЯ). В английском языке также большое распространение получило представление о груди как о символе ласки, тепла, забо-

ты: *in the bosom of the family; Abraham's bosom; Our Lord carries his lambs in his bosom, i.e., has a tender, watchful care over them (Isa. 40:11)* (EBD).

Один из самых древних метафорических переносов обусловлен *вегетативным* кодом: *There is a passion for hunting something deeply implanted in the human breast* (WNWDQC); *Scented herbage of my breast* (Bartleby).

Грудь может описываться как одна из наиболее привлекательных частей тела женщины через положительно окрашенные признаки *растений* (*the rose of the breast, budding breast, lily-white bosom, лилейные перси*), в том числе *фруктов* (*apricot breast, nectarine and peach nipple, melon-like proportion of breast*, вспомним *арбузные груди* Мадам Грицацуевой, *наливные яблочки груди* русского фольклора).

Грудь осознается как некое замкнутое пространство, в котором находится «внутренний человек», испытывающий то или иное чувство. Любовь, правящая в груди, в английском языке концептуализируется признаками владычества: *I reign in Jeanie's bosom! Let her crown my love her law, And in her breast enthrone me...* (Bartleby).

Пространственные метафоры представляют функциональные признаки груди: быть контейнером, хранилищем,местилищем. Одной из разнообразно объективированных в английском языке выступает когнитивная модель *'грудь-контейнер'*: *Jesu, the very thought of Thee With sweetness fills the breast* (WNWDQ).

Жилище во всех культурах осознается как центр мира человека, поэтому совершенно оправданно появление метафор *дома-груди*: *Then let thy bower my bosom be...* (Bartleby). Грудь также может описываться с помощью метафоры *'грудь-дом животного / птицы / насекомого'*: *Love in my bosom like a bee Doth suck his sweet...* (Bartleby). *I see the sleeping babe, nestling the breast of its mother; The sleeping mother and babe – hush'd I study them long and long* (Bartleby).

Понятийные признаки актуализируются на основе словарных дефиниций соответствующей лексики-репрезентанта концепта, эти признаки указаны в словарных статьях в виде семантических компонентов (сем) [Пименова, 2007, с. 314].

Например, *понятийные признаки* концепта *живот* обнаруживают довольно узкий спектр значений – 'жизнь', 'часть тела у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения', а также 'домашний скот, имущество':

Т, м. 1. Часть тела у человека и животных (от грудобрюшной преграды до лобковой кости), в которой расположены органы пищеварения. 2. Жизнь (устар., теперь употр. в немногих поговорочных выражениях). *Не щадя живота своего. Не на ж.*, (ср. жизнь) (Ушаков).

В словаре The American Heritage Dictionary of the English Language находим следующие значения слова *stomach*:

1. a. The enlarged, saclike portion of the alimentary canal, one of the principal organs of digestion, located in vertebrates between the esophagus and the small intestine.
- b. A similar digestive structure of many invertebrates.
- c. Any of the four compartments into which the stomach of a ruminant is divided.
2. The abdomen or belly.
3. An appetite for food.
4. A desire or inclination, especially for something difficult or unpleasant: *had no stomach for quarrels*.
5. Courage; spirit (АН).

Как видно из представленных современных толкований, значение лексики *stomach* составляют следующие семантические компоненты (сем): 'расширенная сумкообразная часть пищеварительного тракта, в котором переваривается пища (желудок)', 'брюшная полость', 'желание, аппетит, склонность', 'смелость, моральный дух', 'гордость'.

Как уже было отмечено, русский язык обнаруживает более узкий список значений. Однако признаки, отмечаемые в одноязычных толковых словарях, представляют собой далеко не полный перечень понятийных признаков. Существенно пополнить этот список можно, обратившись к словарям синонимов.

В словаре Webster's New World Roget's A-Z Thesaurus представлены три группы синонимов, характеризующие различные оттенки значений лексемы *stomach*:

1. belly, inside(s) (informal), gut (informal), abdomen, tummy (informal), puku, сближающиеся на основе семы 'желудок'.

2. tummy, pot, spare tyre (informal), paunch, belly, breadbasket (slang), potbelly, сближающиеся на основе семы 'живот, пузо'.

3. inclination, taste, desire, appetite, relish, mind, сближающиеся на основе семы 'желание, склонность, аппетит' (WNWRT).

Как мы видим, доминантой синонимического ряда слов, репрезентирующих данный концепт в языке, является лексема *stomach*. Следующие по частотности слова *belly*, *tummy* и анатомический термин *abdomen*.

Главными синонимами слова-репрезентанта *живот* являются лексемы *пузо* и *брюхо*, с которыми тесно связаны такие понятия, как богатство, сытость: *Отрастил брюшко*, как богатство, особ. о купце, разбогател; *Отрастил пузо*, разжился и раздобыл. *Набить пузо*, наесться досыта. *Не одно пузище смышляет о пище: и тонкий живот без еды не живет. Поповское брюхо из семи овчин сшито* [Даль, 1984].

Согласно аксиологическому подходу культура выступает объективацией ценностно-мировоззренческих представлений, выражающих внутренний мир человеческой субъективности. Рассмотрим способы вербализации *эстетических и этических оценок* внешности человека на примере соматических концептов ЛИЦО – FACE.

Человеческое *лицо* оценивается с точки зрения пропорционального строения, симметрии и соразмерности частей, а также текстуры, цвета и формы. Данные свойства лица не просто характеризуют его, но и говорят о физическом здоровье человека.

В норме лицо человека должно быть ровным, без изъянов, симметричным и пропорциональным: *Она увидела своё розовое, чистое личико, свои огромные голубые глаза...* (Л. Петрушевская) [Ожегов, Шведова, 1999]. *What a shape, what a neck, what a hand, and what a bloom on that lovely face!* (WNWDQ).

Признак цвета носит ареально-региональный характер, соотносится с расовой принадлежностью, служит показателем здоровья или нездоровья, эстетической привлекательности или непривлекательности. В европейском ареале в целом с розовым цветом лица различной интенсивности связывают представления о привлекательности и здоровье, бледность же ассоциируется с болезнью [Богуславский, 1995, с. 11].

Серый, землистый, красный цвет лица – признаки болезни или неблагополучия, и поэтому оцениваются отрицательно: *colorless, grey, pale, pallid, white, flushed, red, ruddy, tanned, dark, sallow* (SD); *багровое, белёсое, бескровное, бесцветное, бледно-восковое, бледное, желтое, зеленое, землистое, кирпичное, красное, матовое, медное, меловое, мертвенно-желтое, мучнисто-белое, мучнисто-серое, пепельное, пепельно-землистое, пепельно-серое, пергаментное, полотняное, свекольное, серое, сизое, синее, синюшное, стеариновое, темное* [Горбачевич, 2001]. Отметим разнообразие русских эпитетов, наделяющих лицо метафорическими признаками, восходящими к объектам живой и неживой природы.

И в русской, и в английской лингвокультурах эталоном признается молодое лицо; отсюда такое количество отрицательных оценок эстетически непривлекательных потрепанных жизнью лиц: *wrinkled, haggard, craggy, rugged, pinched, wizened* (SD); *морщинистое, помертвелое, поношенное, постаревшее, потасканное,*

потрепанное, стариковское, старушечье, старческое, увядшее, чахлое [Горбачевич, 2001].

Исследование соматических концептов показало, что для русской лингвокультуры, в отличие от английской, характерно влияние социального статуса на формирование эстетических оценок, например, *благородное, царственное, аристократическое, мужицкое, фельдфебельское, холуйское лицо; благородная, величественная, царственная шея; богатырская, царственная грудь* [Горбачевич, 2001].

Таким образом, анализ эстетических оценочных признаков, отраженных в соматическом коде культуры, позволяет получить понимание заложенных в национальный эталон внешности представлений о привлекательности, детализируемых в сведениях о пропорциональности телосложения, размере, физической крепости, цвете кожи.

Помимо эстетических оценок, соматической лексике свойственно развивать и этические значения. Особенности соматической интерпретации нравственного определяются противопоставлением внутреннего и внешнего, нравственно-религиозного и социального, которое лежит в основе традиционной этической системы.

Этическую семантику лица сформировало особое назначение его частей: внешнее выражение внутренней жизни человека, прежде всего чувства стыда и чести (ср. *глаза – зеркало души; eyes are the windows of the soul, look someone in the eye, я это по глазам вижу*, а также *доброе лицо, умное лицо, сердитое лицо* и т. д.). Этноспецифичным для английского языка является метафорическое переосмысление лица как бесстыдства, нахальства и дерзости: *had the face to question my judgment*.

Известно, что в русской языковой картине мира лицо и глаза выступают как основной индикатор ощущаемого человеком стыда. Этот фрагмент наивной психологии широко отражен в литературной и диалектной фразеологии разных славянских языков, демонстрирующей не только цветовую и тепловую как в литературном русском, но и деформационную симптоматику. Ср.: *щеки со стыда горят*, русск. смол. *глаза лупятся* ‘становится стыдно’: *не хочу, чтоб из-за тебя у меня глаза лупились*. Испытывающий стыд стремится избежать зрительного контакта

с другим человеком, оценивающим его поведение: ср. *опустить, спрятать глаза*. Человек, лишенный чувства стыда, напротив, не боится такого контакта: ср. *врать в глаза*.

Помимо стыда, лицо коннотирует представление о репутации человека, будучи «визитной карточкой», которая представляет человека миру, «носителем информации о сущности человека» (ср. выражение *вот твое истинное лицо* в значении ‘этим ты показал, что ты есть на самом деле’). Чаше, однако, обозначения лица реализуют значение положительной репутации и внутренней установки на ее поддержание, т. е. чувства чести и достоинства, и регулятора нравственной жизни – совести.

Заимствованное в китайском языке значение – лицо как социальное понятие – ‘репутация, статус в глазах общества’ получило широкое распространение в английской лингвокультуре: *Are the ministers involved more interested in saving face than telling the truth? (npomyvon. lose face)*. Из него уже на английской почве развилось значение ‘уверенность в себе’: *The team managed to maintain a firm face even in times of great adversity*.

Наряду с языковой семантикой соматизмы характеризуются дополнительной культурной семантикой – определенной *символической значимостью*, утвердившейся в мировой культуре и имеющей свое преломление в представлениях национально-культурной общности.

Основные группы культурных смыслов, носителем которых являются соматизмы *зубы* и *teeth*, связаны с возрастом, понятием жизненной силы. Так, например, в обоих языках есть пословицы и идиомы, в которых прослеживается ассоциативная связь “зубы – возраст”: *молочные зубы*, *milk tooth* – юный возраст; *to be long in the tooth*, *Съела бабушка зубы, а остались язык да губы. У него еще зубы не сменились* – говорят о ребенке, которому еще нет 5–7 лет; *у него уже давно сменились зубы* значит, что это уже не дитя, а мальчик или девочка. Старый же человек, лишившийся зубов, утрачивал силу и считался «слабым», как младенец, ср. русск. фразеологизмы *поглядеть кому в зубы*, т. е. узнать его лета; *мы на этом зубы съели*, т. е. пожили и приобрели жизненный опыт.

И в английском, и в русском языке зубы выступают как символ агрессии, как оружие нападения или защиты. Вероятно, здесь следует говорить об универсальной зооморфной метафоре, при которой поведение человека уподобляется поведению животных, а в животном мире именно зубы являются главным оружием: *gnash one's teeth, to show / bare teeth, to fight tooth and nail*; *показать зубы, иметь зуб на кого-то, точить зубы на кого-то, вооружен до зубов*. Кстати, зубы часто выступают в качестве эталона измерения (как, например, в последнем фразеологизме). Эта особенность является универсальной, ср., например, в английском языке: *to be armed to the teeth, fed up to the teeth, dressed to the teeth*.

Соматизм «зуб» упоминается в принципе талиона (библейском принципе назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причинённый преступлением): “*око за око, зуб за зуб*”; “*An eye for an eye and a tooth for a tooth*”. Ценность зубов более актуальна для английского менталитета, что подчеркивается в выражении *give one's eyeteeth* (букв. «все отдать ради чего-то»).

Соматические стереотипы, символы, образы, эталоны в английском и русском языках, выступая стимулятором эмоциональной реакции, являясь основой экспрессивного значения языковой единицы, отражают особенности коллективного сознания народов, т. е. являются этноспецифичными. В русских и английских соматических паремиях и идиомах получили отражение древнейшие формы осознания мира, библейские пласты культуры, фольклор, литературные источники, символы культуры. В них зафиксированы также характерные для жизни и деятельности русских и англичан реалии, особенности быта, обычаи, верования, социальные отношения, исторические события.

Проведённый сопоставительный анализ соматического кода на материале русских и английских соматических концептов выявил значительное сходство в использовании соматизмов в этих языках. Данное обстоятельство объясняется топологическим изоморфизмом человеческого тела, общностью свойств и физиологических функций частей и органов тела человека. Общее в использовании анализируемых соматизмов является также следствием наличия лингвистических универсалий (метафоры, метонимии), что определяется, в свою очередь, универсальностью человеческого мышления, общечеловеческим характером логико-мыслительных операций.

Сходство в функционировании соматизмов в русской и английской лингвокультурах определяется также культурными факторами, в частности наличием базисных архетипов, лежащих в основе толкования человеком мира (оппозиции «верх – низ», «правый – левый», «жизнь – смерть», «чистый – грязный», архетипическое представление о том, что те или иные признаки внешности человека свидетельствуют о его внутреннем мире, характере, судьбе), общностью английской и русской культур, относящихся к европейскому типу культуры, что выражается в наличии библейских слоёв культуры, в существовании общих символов (сердце – средоточие внутреннего мира человека, кровь – символ жизни, рука – символ власти).

Однако при абсолютной тождественности тела человека его концептуализация и вербализация в русской и английской картине мира обнаруживают национальную специфику. В результате анализа соматического кода была выявлена некоторая асимметричность в репрезентации тела человека в русской и английской языковых картинах мира, в частности в наличии лакун, т. е. отсутствии лексемы в идиомах одного языка при наличии её в другом языке. Количественная асимметричность проявляется в различной частотности соматизмов в русских и английских паремиях и фразеологических единицах. Количественные показатели свидетельствуют о степени актуальности того или иного концепта для разных этносов.

Таким образом, проведённый сопоставительный анализ свидетельствует о том, что концептуализация и вербализация соматического кода в русской и английской языковой картине мира обладает ярко выраженной этноспецифичностью.

Список литературы и источников

Богуславский В. М. Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 53 с.

Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2001. 224 с.

Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т. 4. 576 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Пименова М. В. Особенности репрезентации концепта чувство в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка / Под ред. М. В. Пименовой. Кемерово: Графика, 2003. С. 58–120. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2)

Пименова М. В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: Моногр. Кемерово, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9)

Телия В. Н., Постовалова В. И., Тарасов Е. Ф. и др. Фразеология в контексте культуры / Под ред. В. Н. Телия; РАН. Ин-т языкознания. М.: Языки русской культуры, 1999. 334 с.

Ушаков – Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/> (дата обращения 25.10.2014).

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения 12.06.2011).

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

АН – The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fourth Edition copyright ©2000 by Houghton Mifflin Company. Updated in 2009. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения 08.04.2012).

Bartleby – Bartleby.com: Great Books Online. URL: <http://www.bartleby.com> (дата обращения 14.09.2009).

EBD – Easton's Bible Dictionary, 1987. URL: <http://eastonsbibledictionary.com> (дата обращения 21.02.2012).

SD – Similes Dictionary, 1st Edition. © 1988 The Gale Group, Inc. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения 20.03.2012).

WNWDQC – Webster's New World Dictionary of Quotations Copyright © 2005 by Chambers Harrap Publishers Ltd. URL: <http://www.yourdictionary.com/quotes/> (дата обращения 17.05.2013).

WNWDQ – Webster's New World College Dictionary Copyright © 2005 by Wiley Publishing, Inc., Cleveland, Ohio. URL: <http://www.yourdictionary.com> (дата обращения: 18.05.2013).

WNWRT – Webster's New World Roget's A-Z Thesaurus. URL: <http://www.yourdictionary.com> (дата обращения 10.05.2013).

Yu. A. Bashkatova

The somatic code of culture as the subject of comparative inquiry

The paper discusses the somatic code of culture, defined as a set of names of body parts, bearing additional, culturally significant meanings. Taken as a unit of the code of culture under analysis is the somatic concept. The aim of the research is to identify the ethno-cultural peculiarities of somatic concepts as units of somatic code of the Russian and English languages. The comparative analysis made it possible to identify a certain asymmetry in the representation of the human body in the English and Russian language pictures of the world. The asymmetry of the use is explicated in the presence of gaps, i.e. in the absence of lexemes in idioms of one language and their presence in those of another language. A quantitative asymmetry manifests itself in a different frequency of somatisms in Russian and English proverbs and phraseological units, which indicates the degree of relevance of one or another concept for different ethnic communities.

Keywords: somatic code of culture, somatism, linguoculture, cultural meaning, concept, ethno-cultural peculiarity.